

К 80-ЛЕТИЮ ЭРИХА ЮРЬЕВИЧА СОЛОВЬЕВА

Апрель и май — благословенные месяцы рождения: жизнь продолжается летом в пору тепла и изобилия, а пополнение семьи люди научились планировать очень давно. И хотя в любое время года рождались здоровые и умные дети, но в эти весенние месяцы их появлялось на свет, без всякого сомнения, больше. Часто счастливо выживали даже слабые, такие как Иммануил Кант.

Кант родился 22 апреля 290 лет тому назад, а Эрих Соловьев 20 числа того же месяца, но всего лишь 80 лет минуло с этого благословенного мига. То, что Кант стал главным героем из многочисленной когорты философов, попавших на страницы написанных им книг, может быть, совершенно случайное совпадение; но, с другой стороны, знак гороскопа, под которым они родились, один и тот же, а люди с давних пор усматривали какие-то непонятные связи в подобного рода случаях. Возможно, и здесь сыграл свою роль Фатум? По крайней мере, книги Эриха Юрьевича о Канте, посвященные метафизике нравственности великого философа (главному в его наследии), написаны с такой любовью, что ею невольно заражаются его читатели.

Эрих Юрьевич Соловьев — совершенно особенный философский писатель: книги его читаются взахлеб, как хорошая беллетристика, а повествуют они о сложнейших проблемах философии морали и права — предмете, который выбрал он для себя вполне осознанно, прекрасно понимая решающее его значение для российского общества. Основной принцип поэтики его книг: чтобы словам было тесно — просторно мыслям. Не распухают они описаниями, а трактуют ясно, логически строго, с определенно сформулированных позиций свой парадоксальный предмет, где кажущееся простым таит неожиданно большие тонкости, сложное же предстает системно стройным. У Соловьева подчас решающую роль играет за-текст и под-текст, которые в диалоге с собственным текстом рождают всплески эвристики.

Чтение таких книг — и труд, и наслаждение, говорится ли в них о процессе развития права в Европе за две тысячи лет, о религиозно-нравственном ли смысле Реформации, о русском ли «новом либерализме» и роли в нем соловьевского «Оправдания добра».

Производя, на первый взгляд, впечатление человека аристократически замкнутого, Эрих Юрьевич на деле — гений общения, когда находится общий предмет разговора, а найти его — заговори с ним хоть об Эразме или Сартре, Меланхтоне или Верлене. Границы эрудиции теряются в неопределенной дали. Остроумие, юмор, колкие сатирические замечания остраняют предмет разговора и обнаруживают в нем неожиданные стороны, а стихи, когда он совершенно расположен к собеседнику, восхищают опозитизированной мыслью. Начинаешь понимать, что о счастье общения говорится не зря.

Эриху Юрьевичу Соловьеву 20 апреля — 80. Мудрость он обнаружил с первых своих работ, но она — мудрость — зреет, и мы ждем ее плодов, особенно если не отведет он своих взоров от Канта.

*От редколлегии «Кантовского сборника»
и кафедры философии БФУ им. И. Канта*